

Пока русский народ будет думать только о деньгах, никакого искусства не будет

Способны ли современные культурные процессы в России дать образцы, которые могут стать мировым достоянием, как это было в прошлом? Следует ли русской культуре следовать глобальным трендам или нужно искать свои? Эти вопросы стали предметом любопытной дискуссии, которая состоялась в минувший четверг в рамках проекта «Платформа» на «Винзаводе», в студии Михаила Королева.

Проект «Платформа» создан как площадка для обсуждения различных коммуникационных практик, разговора о том, как формируются общественное сознание и «массовые инстинкты». Изначально инициатором и организатором встреч выступила инвестиционная группа «Волга», управляющая активами известного предпринимателя Геннадия Тимченко. Теперь проект поддерживают также издательский дом «Аргументы и Факты» и издательско-консалтинговая группа «Праксис». В качестве почетного гостя на встрече присутствовал поэт Андрей Дементьев, который, правда, воздержался от выступления.

Руководитель «Праксиса» Виталий Седнев задал импульс дискуссии, поставив вопрос так: «Русская литература угасает и книги больше не нужны или где-то уже зреет новый взлет»? Писатель Тарас Ракин поделился своими мыслями: «Чтобы понять, стоит ли чего-то ждать от русского искусства, нужно понять, что вообще может художник». Ракин предложил банальную на первый взгляд дилемму: «Будут ли художники фантазировать или спать?». Однако в интерпретации писателя фантазии как нечто придуманное человеком не самый верный путь к шедеврам. «Художник учитывает эффект знаков, которые создает и по сути, занимается исчислением этих знаков и эффекта. Но таким образом создается нечто банальное и не интересное, к тому же

обрастающее необходимой инфраструктурой в виде критики и медиа. Художник, занимающийся исчислениями, которые на самом деле каторжный труд, вынужден сокращать их до того объема, который дает коммерческий эффект».

Более вероятный путь к настоящему производству искусства, по мнению Тараса Ракина – спонтанное творчество, аналог сновидений. Писатель предложил и такую характеристику культурного процесса, как «бессонница». Возможно, такое определение писателя соответствует нынешнему состоянию русской культуры.

Нотки оптимизма внес художник и артист Андрей Шевченко: «Все, что мы делаем – это прекрасно. Нужно продолжать это делать. У нас нет кризиса искусства, а есть кризис оценок. Нужно не тормозить и быть настроенными позитивно».

Исследователь отечественной культурной политики Николай Махарадзе обратил внимание аудитории на то, что современное искусство невозможно без открытого общества. «Современное искусство интересуется своим языком, своими возможностями. Раньше искусство было для человека радостью узнавания – «как похоже, хочется потрогать». Но процесс ушел далеко вперед. Современное искусство – роскошь, ее могут себе позволить свободные люди, которым интересна реакция других людей, их язык. У нас мало интереса к чужой свободе и к диалогу».

Среди современных русских художников нет звезд мировой величины, поскольку у нас не работают PR-механизмы по созданию таких звезд, нет конкурентной среды и развитого галерейного бизнеса, считает Николай Махарадзе. «Не хватает менеджеров», – резюмировал ведущий встречи, управляющий директор группы «Волга» Алексей Фирсов.

Журналист Дмитрий Лисицин считает, что русский культурный процесс уместно оценивать в контексте сворачивания того европейского проекта, который длился более двух тысячелетий и строился вокруг определенного единого центра (идея Рима),

определенной системы ценностей. В этой системе могла быть своя периферия, но сейчас иерархия разрушена. А значит, упрекать русское искусство в провинциальности нельзя, любая культура ныне является региональной, но совершенно доступной через интернет-коммуникации.

Дмитрий Лисицин предложил вести поиск элементов искусства не только в традиционных формах, но и через другие инструменты коммуникации. Например, по степени продуманности и изощренности формы некоторые компьютерные игры могут быть приравнены к искусству.

Кинопродюсер Юлия Мишкенене обратила внимание на то, что в отечественном кинематографе сегодня существует два пласта, практически не пересекающиеся друг с другом. Первый – «государственное кино», поддерживаемое министерством культуры и второй – «на окраинах», без господдержки, с людьми, которые пришли в кино недавно. «В кинематографе есть возможность появления ростков, которые прорастут и через бетонную стену», – сказала Юлия Мишкенене, отметив при этом, что русскому кино все же непросто добиться внимания западного зрителя, которому трудно понять мотивацию наших героев.

Художник Андрей Кулагин предложил такую мысль: все шедевры советского кинематографа были образцами авторского кино, «когда есть большой режиссер и большое произведение». А в основном советский кинематограф представлял собой «кальку» голливудского, но с иным идеологическим наполнением, разумеется.

Андрей Кулагин и резюмировал встречу яркой и довольно бесспорной мыслью. «Последнее время все делается ради денег. Но художник не должен работать ради денег, он должен делать картины, потому что не может их не делать. Пока русский народ будет думать только о деньгах, никакого искусства не будет».